

© И. В. Ружицкий

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.03)

УДК 81.23

МАСКА И МАСКАРАД У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**И. В. Ружицкий (Москва, Россия)*

В статье рассматривается функционирование слова маска в произведениях Ф. М. Достоевского разных жанров и разных периодов творчества, делается предположение о том, что это слово обладает у Ф. М. Достоевского статусом идиоглоссы, т. е. характеризует определенные особенности авторского идиостиля и картины мира писателя. Для верификации идиоглоссного статуса слова разработана специальная многошаговая процедура. Показателем особой значимости слова является, в частности, его символический потенциал, которым, несмотря на свою относительно низкую частоту употребления, обладает лексема маска. На основе проведенного контекстного анализа реконструируется ассоциативное поле, ядром которого являются слова маска и маскарад, проводятся параллели между такими персонажами Ф. М. Достоевского, как Голядкин, князь Валковский, Свидригайлов, Ставрогин и Ламберт. Делается вывод о том, что маска в тезаурусе Ф. М. Достоевского приобретает свойства своего рода антиконцепта, противоположного по своему содержанию и коннотации одному из центральных понятий в картине мира писателя – живой жизни.

Ключевые слова: лексикографическая параметризация, Словарь языка Достоевского, идиоглосса, символическое значение, антиконцепт.

Принципиальной особенностью Словаря языка Ф. М. Достоевского [1–4] является то, что в нем описываются не все слова, употребленные писателем в текстах полного собрания его сочинений, но только те, которые характеризуют авторский идиостиль, – идиоглоссы. «Идиоглосса – понятие диалогической природы, поскольку в ней интенция писателя встречается с читательским восприятием. Для

писателя идиоглосса – материал и инструмент создания мира того или иного произведения; для читателя идиоглосса – ключ к пониманию этого мира и интерпретации замысла писателя» [5, с. 16]. При определении идиоглоссного статуса слова естественно возникает проблема разработки специальной процедуры, позволяющей выделять эти значимые для стилистики писателя единицы. В качестве такой

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00135 «Многопараметровое представление тезауруса Достоевского» (руководитель – Ю. Н. Караулов).

Ружицкий Игорь Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

E-mail: konnitie@mail.ru

процедуры мы предлагаем специальную методику, состоящую из следующих шагов: 1) коллективное прочтение текстов Ф. М. Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль (т. е. своего рода метод экспертных оценок); 2) использование данных уже существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвященных языку и творчеству Ф. М. Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные, ключевые; 3) учет вхождения слова в название произведения или в название какой-либо части произведения; 4) фиксация особенностей употребления слова, например, в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, авторская рефлексия над значением слова, использование слова в игровом контексте, учет других лексикографических параметров; 5) статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя; 6) верификация полученного списка идиоглосс путем пилотажного опроса [6, с. 48]. Частота употребления слова, при всей ее несомненной значимости, рассматривается нами как факкультативный параметр: в текстах Ф. М. Достоевского встречаются низкочастотные единицы, которые являются идиоглоссами, к ним относится, в частности, и слово *маска*, описанию значимости которого в текстах Ф. М. Достоевского посвящена данная статья. На особую роль этого слова в произведениях Ф. М. Достоевского исследователи уже неоднократно обращали внимание (о маске как модели поведения – масках-ролях и о маске как риторическом приеме) [7–11].

Казалось бы, что интересного может быть в таком простом, к тому же малочастотном (всего 36 употреблений: 31 – в художественной

прозе и 5 – в публицистике) у Ф. М. Достоевского слове? Значения, в которых оно используется, совпадают со словарными, разве что последовательность, характеризующая значимость этих лексико-семантических вариантов в текстах писателя, иная:

1. ‘Притворство, скрывающее истинную сущность кого-, чего-л.’:

[Иван Петрович о Валковском] Вглядываясь пристальнее, вы начинали подозревать под всегдашней **маской** что-то злое, хитрое и в высочайшей степени эгоистическое (Униженные и оскорбленные, с. 245¹); Англиканские священники и епископы горды и богаты, живут в богатых приходах и жиреют в совершенном спокойствии совести. Они большие педанты, очень образованны и сами важно и серьезно верят в свое тупонравственное достоинство, в свое право читать спокойную и самоуверенную мораль, жиреть и жить тут для богатых. Это религия богатых и уж без **маски** (Зимние заметки о летних впечатлениях, с. 73); Двуличие, изнанка, **маска** – скверное дело, согласен, но если б в настоящий момент все бы явились, как они есть на лицо, то, ей-богу, было бы хуже (Публицистика, т. 18, с. 20); [О Н. С. Лескове, который подписывал некоторые свои статьи псевдонимом Свящ. П. Касторский] Ни единой-то самой маленькой минутки я не пробыл в обмане; тотчас же узнал ряженого и вменяю себе это в удовольствие, ибо вижу отсюда ваш длинный нос: вы вполне были уверены, что я шутовскую **маску**, вывешивая за лицо настоящее (Дневник писателя, т. 21, с. 87).

2. ‘Специальная накладка с изображением человеческого лица, звериной морды

¹ Здесь и далее нумерация страниц дается по [12].

и т. п.; накладка на верхнюю часть лица с отверстиями для глаз, надеваемая для того, чтобы не быть узнаваемым²:

[Мечтатель] И, боже мой, неужели не ее встретил он потом, далеко от берегов своей родины <...> где она, узнав его, так поспешно сняла свою **маску** и, прошептав: «Я свободна» <...> (Белые ночи, с. 117); [Юлия Михайловна Варваре Петровне] Мы хотели начать вечер живыми картинами, но, кажется, много издержек, и потому для публики будут одна или две кадрили в **масках** и характерных костюмах, изображающих известные литературные направления (Бесы, с. 236).

3. В метонимическом употреблении: ‘Человек с накладкой на лице и в маскарадном костюме (обычно на костюмированном балу т. п.) или, как оскорбление, о двуличном, притворяющемся человеке’:

[Анна Трифоновна Нелли] Говори, цыганка, **маска** привозная, говори! (Униженные и оскорбленные, с. 259) **Маски** расположились танцевать. <...> Напротив этой **маски** танцевали два какие-то гиганта X и Z, и эти буквы были у них пришпилены на фраках, но что означали эти X и Z, так и осталось неразъясненным (Бесы, с. 389).

Значимость идиоглоссы *маска* в картине мира Ф. М. Достоевского проявляется в первую очередь в ее символическом значении в контексте конкретных произведений (под символическим употреблением слова мы понимаем способность лексических единиц с конкретной семантикой приобретать в определенном контексте абстрактный смысл). В «Двойнике» это связь с мотивом двойничества

и двуличия, которые непосредственным образом связаны со страхом Голядкина, с его паранойей:

[Голядкин] отложим всё это в сторону, до времени... до другого времени, Крестьян Иванович, до более удобного времени, когда всё обнаружится, и **маска** спадет с некоторых лиц, и кое-что обнажится (Двойник, с. 119); Я только тему развиваю, то есть пропускаю идею, Антон Антонович, что люди, носящие **маску**, стали не редки-с и что теперь трудно под **маской** узнать человека-с... (там же, с. 163) Нет-с, знаете ли-с, я, Антон Антонович, говорю-с, про себя говорю, что я, например, **маску** надеваю, лишь когда нужда в ней бывает, то есть единственно для карнавала и веселых собраний, говоря в прямом смысле, но что не маскируюсь перед людьми каждодневно, говоря в другом, более скрытом смысле-с (там же, с. 163)² <...> Голядкин положил ждать до тех пор, покамест **маска** спадет с некоторых лиц и кое-что обнажится (там же, с. 168); Хожу без **маски** между добрых людей и, чтоб всё вам сказать... (там же, с. 222)

Этот символический потенциал идиоглоссы *маска* в «Двойнике» усиливается употреблением глагола *маскироваться* (3 раза из 6 вообще в текстах Достоевского; глагол *маскировать* используется 2 раза, оба – в публицистике) и существительного *маскарад*:

[Голядкин Крестьяну Ивановичу] **Маску** надеваю лишь в **маскарад**, я не хожу с нею перед людьми каждодневно (там же, с. 117); [Голядкин] Есть люди, господа, которые не любят окольных путей и **маскируются** только для **маскарада** (там же, с. 125).

² Этот пример В. В. Виноградов приводит в качестве иллюстрации амплифицированной речи человека, который теряется в поисках слов для более удачного выражения своих мыслей, особенно

в беседе с посторонними лицами [13]. Отметим, что такое смысловое дублирование речи свойственно психически больным людям [14].

Слово *маскарад*, производное от *маска*, в текстах Ф. М. Достоевского встречается в общей сложности 22 раза, 4 из которых – как название драмы М. Ю. Лермонтова, 8 – в прямом значении ‘бал, на который являются в *масках*, в характерных костюмах’ с предлогом *в* (*в маскараде, в маскарадах*) и во всех остальных случаях – как ‘игра с изменением своей внешности, поведения, часто с целью скрыть истинную сущность кого-л., чего-л., надеть на себя личину’:

Вся эта фантазмагория, весь этот **маскарад**, все эти французские кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, все эти дебелые, неуклюжие ноги, влезавшие в шелковые чулки; эти тогдашние солдатики в немецких париках и штиблетах – всё это, мне кажется, были ужасные плутни, подобострастно-лакейское надувание снизу <...> (Зимние заметки о летних впечатлениях, с. 58); <...> и сам он [представитель] совершенно уверен <...> что всё это только одна шутка, шутка и больше ничего, невинная игра, **маскарад** <...> (там же, с. 58); Вспомним, что общество страстно сочувствовало западникам и разделяло все их ошибки и увлечения, тогда как постоянно принимало славянофильство за **маскарад** (Публицистика, т. 19, с. 61); Эта ливрея есть позднейшее позаимствование, взятое с Запада, или, точнее сказать, из Польши, и в числе достопочтенных иерархов нашей церкви было и есть немало таких, которые находят этот ливрейный **маскарад** неуместным, и певцы состоящих при них хоров поют в обыкновенных черных сюртуках <...> (Дневник писателя, т. 21, с. 80); см. также (Публицистика, т. 19, с. 71; т. 20, с. 39; Дневник писателя, т. 26, с. 86).

Контекстные ассоциативные связи слова *маскарад*, употребляемого в этом значении, следующие: *взятое с Запада, игра, ливрея, надувание, плутни, толпа, фантазмагория,*

шутка, шутовство, т. е. – в широком смысле – нечто ненастоящее.

В «Униженных и оскорбленных» *маска* тоже связана с двуличием, но здесь появляется еще и другой психологический мотив – получения какого-то сладострастного удовольствия от того, что *срываешь (поднимаешь) маску* с себя, показываешь истинное лицо. Этот мотив мы видим в раскрытии образа князя Валковского:

[Иван Петрович] Мне казалось (и я понимал это), что он [Валковский] находил какое-то удовольствие, какое-то, может быть, даже сладострастие в своей низости и в этом нахальстве, в этом цинизме, с которым он **срывал**, наконец, передо мной свою **маску** (Униженные и оскорбленные, с. 358); [Валковский Ивану Петровичу] А между прочим, я хотел объяснить вам, что у меня именно есть черта в характере, которую вы еще не знали, – это ненависть ко всем этим пошлым, ничего не стоящим наивностям и пасторалям, и одно из самых пикантных для меня наслаждений всегда было прикинуться сначала самому на этот лад, войти в этот тон, обласкать, ободрить какого-нибудь вечно юного Шиллера и потом вдруг сразу огорошить его; вдруг **поднять** перед ним **маску** и из восторженного лица сделать ему гримасу, показать ему язык именно в ту минуту, когда он менее всего ожидает этого сюрприза (там же, с. 361); Есть особое сладострастие в этом внезапном **срыве маски**, в этом цинизме, с которым человек вдруг выказывается перед другим в таком виде, что даже не удостаивает и постыдиться перед ним (там же, с. 363).

Обращает на себя внимание и сравнение с *маской* лиц Свидригайлова, Ламберта, еще в большей степени – Ставрогина (связь данных образов несомненна), основой для которого является неестественность, оторванность от

жизни, красивость, но не красота, то, что скрывает порочность:

[О Свидригайлове] Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на **маску**: белое, румяное, с румянными, алыми губами, с светло-белокурою бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами (Преступление и наказание, с. 357); [Аркадий о Ламберте] Волосы у него были черные ужасно, лицо белое и румяное, как на **маске** <...> (Подросток, с. 27); [Аркадий о Ламберте] <...> человек в богатой медвежьей шубе, в собольей шапке, с черными глазами, с черными как смоль щегольскими бакенами, с горбатым носом, с белыми оскаленными на меня зубами, белый, румяный, лицо как **маска**... (там же, с. 274) [Хроникер о Ставрогине] Говорили, что лицо его [Ставрогина] напоминает **маску** <...> (Бесы, с. 37); <...> прежде хоть и считали его [Ставрогина] красавцем, но лицо его действительно «походило на **маску**», как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества (там же, с. 145); <...> лицо его [Ставрогина] походит на **маску** (там же, с. 145).

О сходстве масок (внешности) Свидригайлова, Ламберта и Ставрогина (упустив по непонятным причинам князя Валковского) писал Ю. Н. Тынянов, указывая на то, что это маски «подчеркнутые», покрывающие контрастные характеры [15]. Маска Ставрогина, однако, отличается от других: он не лгал и ничего не скрывал, у этой маски более сложная и более притягательная, если так можно сказать, сила (Хроникеру Ставрогин *показался красавцем*, несмотря на то, что его лицо *походило на маску*). Функция такой маски – служить анти-

тезой *живой жизни*, быть отражением авторской характеристики персонажа (*ни холоден, ни горяч*), человека, оградившего себя от окружающего мира. Отсюда и инфернальность, демонизм Ставрогина, столь часто обсуждаемый исследователями [16]³.

Анализ семантических связей слова *маска*, включающий в себя его гипотаксис и паратаксис, позволяет реконструировать текстовое ассоциативное поле, ядром которого является данная идиоглосса:

без, бесчестная, ваша всегдашняя, веселое собрание, выпытать, гадкая, гримаса, двуличие, злое, изнанка, кадрили, карнавал, лживая, лицо, ложь, маскарад, маскировать, маскироваться, надевать, напоминает, нахальство, не редки-с, не удостоивать и постыдиться, немаскировано, низость, нравственный цинизм, обман, обнажаться, плут, поднять, подозревать, показать язык, походить, похожее как бы, принять за лицо настоящее, религия, ряженный, скрывать, скрываться, сладострастие, смех, смеющаяся, спадать, срывать, странное лицо, танцевать, трудно узнать человека, удовольствие, фурия, характерные костюмы, хитрое, цинизм, шутовская, эгоистичное, в котором отчетливо выделяется следующая ассоциативная цепочка (о данном понятии см. [17]):

лицо → **ненастоящее** → **скрывать** → **ложь** → **сладострастие** → **цинизм**. И, если *жизнь* в тезаурусе Ф. М. Достоевского является одним из центральных концептов, то *маска* – это своего рода антиконцепт, вербализуемый лексическими единицами приведенного выше ассоциативного поля. Кроме того, *маска* у Ф. М. Достоевского сближает такие,

³ На одной из конференций в Старой Руссе, посвященной творчеству Ф. М. Достоевского, Л. И. Сараскина попросила слушателей, точнее их женскую половину, честно сказать, кто из персонажей

Ф. М. Достоевского, на их взгляд, является самым притягательным? Подавляющее большинство голосов было отдано Ставрогину, Свидригайлов оказался на втором месте.

казалось бы, несопоставимые персонажи, как Голядкин, князь Валковский, Свидригайлов, Ставрогин и Ламберт⁴.

Маска как символ отмечается во всех соответствующих специальных словарях в значении ‘защита, сокрытие, трансформация, не-

бытие’; в местах, не носящих сакрального характера, *маска* может символизировать внутренние качества, которые обычно скрыты за внешней стороной личности [18]. У Ф. М. Достоевского, как мы видим, символическое значение *маски* несколько шире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Словарь** языка Достоевского: лексический строй идиолекта / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2003. – Вып. I. – 442 с.; вып. II – 510 с.; вып. III – 559 с.
2. **Словарь** языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2008. – 962 с.
3. **Словарь** языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2010. – 1049 с.
4. **Словарь** языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2012. – 847 с.
5. **Караулов Ю. Н.** Словарь Достоевского и изучение языка писателя (в качестве предисловия) // Слово Достоевского 2000 / под ред. Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 5–31.
6. **Ружицкий И. В.** Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография. – М.: ЛЕКСПУС, 2015. – С. 543.
7. **Груздев И.** О маске как литературном приеме. Гоголь и Достоевский // Жизнь искусства. – 1921. – № 811. – С. 109–121.
8. **Данилин С. Ю.** Лицо и маска в повествовании Ф. М. Достоевского: По роману «Униженные и оскорбленные» // Гуманит. исслед. в Вост. Сибири и на Дал. Востоке. – Владивосток, 2011. – № 1(13). – С. 64–67.
9. **Животягина С. А.** Лик – Лицо – Маска. О личности и ее облике в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Эйхенбаумовские чтения. – 2007. – Вып. 6. – С. 54–59.
10. **Чеботникова Т. А.** Маска как модель поведения и риторический прием [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.lib.csu.ru/vch/091/134.pdf> (дата обращения 22.06.2015).
11. **Elliott, Sh.** Icon and Mask in Dostoevsky’s Artistic Philosophy // The Dostoevsky Journal. – 2000. – № 1, 1. – P. 55–67.
12. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
13. **Виноградов В. В.** Эволюция русского натурализма: К морфологии натурального стиля (опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // В. В. Виноградов. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 101–140.
14. **Бехтерев В. М.** Будущее психиатрии. Введение в патологическую рефлексологию. – СПб.: Наука, 1997. – 330 с.

⁴ В публицистике, впрочем, употребление слова *маска* может не иметь никакой негативной окрашенности, используясь в составе метафоры: «Явилась потом смеющаяся маска Гоголя, с страшным

могуществом смеха, – с могуществом, не выражавшимся так сильно еще никогда, ни в ком, ни где, ни в чьей литературе с тех пор, как создалась земля» (Публицистика, т. 19, с. 12).

15. **Тынянов Ю. Н.** Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
16. **Сараскина Л. И.** Фёдор Достоевский: Одоление демонов. – М.: Согласие, 1996. – 462 с.
17. **Ружицкий И. В.** Цепочка ассоциаций как единица восприятия // Вестник Центра международных отношений МГУ имени М. В. Ломоносова. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2011. – Вып. 3. – С. 75–83.
18. **Словарь** символов [Электронный ресурс]. – URL.: [http:// mirslovarei.com/content_sim/maska-478.html#ixzz2e6Ya3mnR](http://mirslovarei.com/content_sim/maska-478.html#ixzz2e6Ya3mnR) (дата обращения 25.06.2015).

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.03)

Ruzhitskiy Igor Vasil'evich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian for Foreign Students Department, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: konnitie@mail.ru

MASK AND MASQUERADE IN FEODOR DOSTOEVSKY'S CREATIVE WORKS

Abstract

The article discusses the functioning of the word mask in Feodor Dostoevsky's creative works of different genres and of different periods of creativity, the assumption that this word has in Dostoevsky's texts the status of idioglossa is made, i.e. describes certain characteristics of author's style and worldview of the writer. The special multi-step procedure for idioglossa status of a word verification has been developed. The indicator of the special significance of a word is, in particular, its symbolic potential which despite of its relatively low frequency of use has the word mask. On the base of contextual analysis the associative field in the center of which are the words mask and masquerade was reconstructed, the parallels between Dostoevsky's different characters such as Golyadkin, Prince Valkovsky, Svidrigailov, Stavrogin and Lambert were made. The conclusion that the word mask in Dostoevsky's thesaurus has some properties of anticoncept opposite in its content and connotations to one of the central concepts of writer's worldview – living life.

Keywords

Lexicographic parameterization, Dostoevsky's language dictionary, idioglossa, symbolic meaning, anti-concept.

REFERENCES

1. *Dostoevsky's language Dictionary: the lexical system of the idiolect.* ed. Yu. Karaulov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. Vol. I. 442 p.; vol. II 510 p.; vol. III 559 p. (In Russian)
2. *Dostoevsky's language dictionary: Idioglossary (A–b).* ed. Yu. Karaulov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2008. 962 p. (In Russian)
3. *Dostoevsky's language dictionary: Idioglossary (G–W).* ed. Yu. Karaulov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2010. 1049 p. (In Russian)
4. *Dostoevsky's language dictionary: Idioglossary (I–M).* ed. Yu. Karaulov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2012. 847 p. (In Russian)
5. Karaulov Yu. N. Dostoevsky's dictionary and the language of the writer (as pre-conditions). *Word Dostoevsky 2000.* ed. Yu. Karaulov, E. L. Ginzburg. Moscow: Azbukovnik Publ., 2001. pp. 5-31. (In Russian)
6. Ruzhitskiy V. I. *Language of Dostoevsky: Idioglossary, thesaurus, Eidos.* Moscow: LEXUS Publ., 2015. p. 543. (In Russian)
7. Gruzdev I. About the mask as a literary reception. Gogol and Dostoyevsky. *Life arts.* 1921. no. 811. Pp. 109-121. (In Russian)
8. Danilin S. Y. Face mask and narration in F. M. Dostoevsky's novel "Uni-fied and offended". *Humanitie. issled. in East. Siberia and the Gave.* East. Vladivostok, 2011. No. 1(13). pp. 64-67. (In Russian)

9. Zhivotjagina C. A. Visage – The Face – Mask. About the personality of its appearance in the novel of F. M. Dostoevsky "Idiot" *Eihenbaums reading*. 2007. Vol. 6. pp. 54-59. (In Russian)
10. Chebotnikova T. A. *Mask as a model of behavior and as a figure of rhetoric*. URL.: <http://www.lib.csu.ru/vch/091/134.pdf> (22.06.2015). (In Russian)
11. Elliott, Sh. Icon and Mask in Dostoevsky's Artistic Philosophy. *Dostoevsky Journal*. 2000. No. 1, 1. pp. 55-67.
12. Dostoevsky F. M. *Complete works in 30 v. L.*: Nauka Publ., 1972-1990. (In Russian)
13. Vinogradov V. V. Evolution of Russian naturalism: morphology, natural style (experience of the St. Petersburg linguistic analysis of the poem "the Double"). V. Vinogradov. *The poetics of Russian literature*. Moscow: Nauka Publ., 1976. pp. 101-140. (In Russian)
14. Bekhterev V. M. *Future of psychiatry. Introduction to pathological reflexology*. SPb.: Nauka Publ., 1997. 330 p. (In Russian)
15. Tynyanov Yu. N. *Dostoevsky and Gogol (toward a theory of parody). Poetics. The history of Literatures. Movie*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russian)
16. Saraskina L. I. *Fyodor Dostoevsky: the Overcoming of demons*. Moscow: Harmony Publ., 1996. 462 p. (In Russian)
17. Ruzhitsky I. V. Chain of associations as a unit of perception. *Bulletin of the Center for international relations of Lomonosov Moscow state University. Series Philology. Culturology. Pedagogy. Technique*. 2011. Vol. 3. pp. 75-83. (In Russian)
18. *The dictionary of symbols*. URL.: http://mirslovarei.com/content_sim/maska-478.html#ixzz2e6Ya3mnR (25.06.2015). (In Russian)